

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

В БАРАХ Латинского квартала Парижа можно встретить юношей, у которых волосы длиннее, чем у девушек. Они выставляют напоказ свою неряшливость и гордятся своей ленью, как почетной профессией. Но эти же бары посещает и та интеллигенция, которую привлекает романтическое прошлое. Эти люди приходят сюда, чтобы встретиться с тенями великих поэтов, политических деятелей, художников, которые сидели на тех же диванчиках, где сегодня развалилась эта молодежь.

Эти места часто посещает Артур Адамов. Когда он проходит, студенты, молодые художники, знаменитости артистического Парижа дружески приветствуют его. Драматург, переводчик Гоголя, Марло и Бюхнера пользуется авторитетом в этой блестящей и пестрой среде, где завоевать уважение гораздо труднее, чем успех и славу.

Я встретился с Адамовым вскоре после его поездки в США, откуда он возвращался через Западную Германию. В США он принял участие в демонстрации против расизма и за мир во Вьетнаме; в ФРГ выступил перед студентами с разоблачением нацизма на лекциях о театре.

— Почему я пишу? Интерес к людям и к окружающему миру, а также чувство, что как-то неуютно живется в этом мире, заставляют писать меня.

Адамов говорит очень медленно. Его низкий голос перекрывает шум, царящий в баре.

— Я думаю, — продолжает Адамов, — что в некотором отношении слово «реализм» — это нечто такое, что в простой форме дает представление о реальности вообще и об исторической реальности в частности. Однако не надо отвергать очень романтического слова — поэзия.

— Что значит «неуютно живется в этом мире»?

— Горький писал, что мещанин тот, кто отдает предпочтение самому себе. Он абсолютно прав. Я не хочу отдавать предпочтение самому себе, может быть, из-за личного опасения, а скорее всего потому, что я презираю мелкий мещанский индивидуализм, отгородившийся от мира страхом или денежными делами, что представляет еще меньший интерес. Добавлю: совершенно очевидно, что все навязчивые идеи, которые в разной степени есть у каждого, могут быть преобразованы искусством. Что можно подумать о первой поэме Брехта, внутренне очень не-

здоровой, но творчество которого окрепло под влиянием идей коммунизма? Это не умаляет ни идеи коммунизма, ни творчества Брехта, а, наоборот, доказывает необходимость, которая сегодня мне кажется основной, — необходимость взаимопроникновения жизни духовной и жизни общественной. Надо отходить от упрощенчества.

— И в каком направлении двигаться?

— Мое обращение к людям — это попытка показать им то, что,

несмотря на все это, повторяю, у меня есть чувство, настоящее или обманчивое, что воспроизведение времени, пространства, сугубо личной жизни и общественной жизни в театре — это задача, хотя и трудная, но более интересная. Несомненно, это воспроизведение требует очень большого смещения, то есть явной условности и как будто бы удаления от реализма, но которое в итоге вновь приводит к тому, что я называю реализмом.

— Однако вы не противопоставляете кино театру?

— Театр и кино роднит то (у меня нет желания говорить о телевидении), что они позволяют показать определенное число людей в одном месте, в одно время. Лично я дорожу этой общностью.

— Но вернемся к вам, к вашему творчеству.

— Поговорим только о моих последних пьесах.

Я написал «Весну 71-го года», потому что в событиях того времени открыл реальность, может быть, самого крупного события в истории Европы — Парижскую Коммуну. Я очень благодарен муниципалитету парижского пригорода Сен-Дени и его «Театру Жерара Филипа», взявшим на себя смелость осуществить постановку этой пьесы. Для меня в Парижской Коммуне соединились буквально и театрально идея труда и идея праздника...

— То есть?

— То есть впервые человек с помощью политических средств попытался и сделал так, что эта обязанность — труд — стала праздником.

Моя последняя пьеса называется «Святая Европа». Я еще не знаю, кто возьмет на себя смелость поставить ее. Вскоре она выйдет в издательстве Галимар (один из крупных издателей Парижа. — Прим. ред.). Пересказывать ее сюжет сложно. Мне кажется, что название пьесы в какой-то мере раскрывает ее характер, в одно и то же время средневековый, карикатурный и антикапиталистический. Разумеется, в «Святой Европе» речь идет о крестовых походах и, конечно, их бесполезности против Востока.

— Можете ли вы назвать лучшее театральное произведение, с вашей точки зрения?

— Не колеблясь, я назову «Оптимистическую трагедию».

— В постановке ленинградского театра, которую вы видели в Театре Наций во время его гастролей в Париже?

— Да. Я считаю эту пьесу одним из лучших драматических произведений XX века. В тот вечер я был буквально потрясен.

— Теперь, когда мы коснулись и прошлого, и настоящего, я хотел бы узнать, как вы представляете себе будущее искусства?

— Будущее искусства, я считаю, настолько связано с будущим общества, будущим всего мира, что стоит ли говорить об этом?

Можно сказать одно: искусство — это отражение действительности и не только иллюстрированное, но и правдиво выраженное.

(Интервью провел французский журналист Андре Маньенан).

ПАРИЖ.

Артур АДАМОВ:

«О СЕБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ»

на мой взгляд, кажется более соответствующим, более связанным с современной жизнью, особенно в наших западных странах.

— Почему вы избрали театр для выражения своих мыслей?

— Мне хорошо известно, что, с точки зрения статистики, кино привлекает гораздо больше зрителей. Но я должен признаться, что, несмотря на все мое восхищение некоторыми фильмами, среди которых «Огни большого города» Чаплина, «Проклятые» Лози, «Броненосец «Потемкин» Эйзенштейна и один из последних советских фильмов, очень тронувших меня, — «Девять дней одного года» Ромма,